

НОЛЬ / ОДИН: Я / НЕ-Я

ЗАПИСКИ ДИСКРЕТНОГО СУБЪЕКТА

НОЛЬ
Я

ОДИН

НЕ-Я

ФЕНИКС ФЛАММ

Феникс Фламм

**Ноль / один: Я / не-Я. Записки
дискретного субъекта**

«Автор»

2026

Фламм Ф.

Ноль / один: Я / не-Я. Записки дискретного субъекта /
Ф. Фламм — «Автор», 2026

Эта повесть о человеке, который просыпается в комнате с двумя дверями - «0» и «1» - и без всякой памяти о себе, кроме ощущения, что что-то уже пошло не так. Выходя за дверь «1», он попадает в странный город: идеально ровные улицы, безликие дома, люди, которые двигаются по заданным траекториям и не замечают его присутствия. Любая попытка «оставить след» - разбитое стекло, толчок живому человеку - приводит к тому, что мир кратко «зависает», а герой обнуляется и снова просыпается в комнате, где на стене копят тонкие царапины - отметки его вмешательств. Дверь «0» ведёт в серую пустоту, лишённую каких-либо опор, где есть только он и ничто. Между страхом раствориться в нуле и страхом остаться в холодной, чужой «единице», герой постепенно понимает, что единственный способ вернуть себе Я - не убежать из системы, а принять её правила и начать отвечать за собственные выборы между нолём и единицей, шаг за шагом превращая гладкий, безличный мир в пространство, где его присутствие что-то значит.

© Фламм Ф., 2026

© Автор, 2026

Феникс Фламм

Ноль / один: Я / не-Я. Записки

дискретного субъекта

Свобода — это не возможность выбрать дверь.

Свобода — это знать, что за любой из них ты останешься собой.

Он проснулся с ощущением, что что-то уже пошло не так, хотя ничего ещё не произошло.

Потолок был незнакомый — ровный, белый, без трещин и пятен, за которые может цепляться взгляд в своей комнате. Он ещё какое-то время лежал, прислушиваясь к себе: сердце билось ровно, дыхание было спокойным, только внутри стояло глухое ощущение, как перед экзаменом, когда точно знаешь, что забыл что-то важное.

Он открыл глаза, медленно поднялся на локтях и сел. Кровать — обычная, прохладная простыня чуть касалась кожи. Он опустил взгляд: на нём были простые серые штаны из мягкой ткани и такая же серая футболка. Без логотипов, без надписей, без карманов. Ни часов, ни браслета, ни телефона. Ничего, что рассказывало бы о нём хоть что-то.

Он провёл ладонями по ткани футболки, словно проверяя, настоящая ли она. Холодок от пола пробивался через ступни — босиком. Это было странно: он не помнил, чтобы ложился спать так. Он вообще не помнил, как ложился спать.

Он попытался вспомнить, что было вчера. Сначала — общее: день, улица, какие-то лица, свет экранов. В памяти вспыхнули разрозненные картинки — метро, шум, чьи-то руки, яркий прямоугольник смартфона — и тут же потухли. Будто кто-то пролистал ленту и не дал задержаться ни на одном посте. Он напрягся, пробуя вытащить хоть одно конкретное имя, адрес, слово. В ответ — белый шум.

Страх пришёл не сразу. Сначала это было раздражение: мозг, как заедающий механизм, всё время срывался назад, на один и тот же пустой участок. Он сжал зубы, закрыл глаза, ещё раз пошёл по кругу — но всё равно упирался в пустоту, как в выключенный экран.

Он осмотрелся по сторонам и впервые увидел их.

Две двери напротив кровати. Одинаковые, гладкие, без ручек. Над левой крупно было написано «0», над правой — «1». Цифры смотрелись так, будто их только что вывели маркером — ровно и уверенно. В комнате больше не было ничего: ни окна, ни шкафа, ни стола. Только кровать, стены и эти две цифры — словно счет закончившегося матча по футболу.

Тепло из груди ушло. Стало чуть холоднее, чем было. Он поймал себя на том, что не хочет вставать — пока он сидит на кровати, всё ещё можно сделать вид, что это чья-то шутка, странный сон. Двери не двигаются, цифры не меняются, всё статично. Реальность стояла как бы на паузе.

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки, слегка дрожащие — не от холода, от непонимания. Поднёс одну к лицу, разглядел линии на коже, маленький белый шрамик на пальце.

Шрамик казался знакомым — он точно помнил, что он есть, но не помнил, откуда. Это было как зацепка: значит, он существовал где-то до этого утра.

— Эй, — сказал он в сторону дверей, сам не понимая, почему обращается к ним. Голос прозвучал чуть хрипло и неуверенно. Эхо не вернулось. Звук просто исчез в белой комнате.

Он выругался шёпотом — привычное слово, которое обычно бросают в пустоту, когда что-то не так. Это немного помогло: злость нарастила слой поверх страха. С злостью проще — она даёт движение.

Он осторожно спустил ноги на пол. Холодная гладкая поверхность под стопами была неожиданно реальной. Он встал, немного пошатнулся — не от слабости, от непривычки: тело было целое, но ощущалось как чужое, словно новый костюм.

Первый импульс был — подойти к дверям и дёрнуть за ручку. Но ручек не было. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один. С каждым шагом цифры увеличивались. «0». «1». Простая цифровая пара, от которой сейчас зависело всё. Чем ближе он подходил, тем сильнее было ощущение нереальности происходящего: словно его загнали в задачу с двумя вариантами ответа, а условия забыли напечатать.

Он остановился между дверями на расстоянии вытянутой руки. Цифры можно было теперь разглядеть в деталях: чёткий контур, лёгкий блеск краски. Он поднял руку и коснулся «0» кончиками пальцев. Подушечки ощутили не краску, а лёгкое углубление — цифра была вдавлена в поверхность.

Ничего не произошло.

Он чуть сильнее прижал ладонь к двери — как к датчику. Дверь была холодная и неподатливая. Никаких щелчков, никаких всплесков, ни звука. Просто холод и цифра. Он повторил то же с «1» — такой же холод, такое же углубление.

Раздражение вернулось. Он отступил на шаг, провёл руками по волосам, почувствовал сухую кожу, лёгкий зуд. Всё в его теле было живым и узнаваемым, всё, что вокруг — мёртвым и пустым.

— Хорошо, — сказал он глухо. — Очень смешно. Если это эксперимент, где инструкции?

Инструкций, разумеется, не было.

Он прислушался к себе — голод? Жажда? Тошнота? Всё было странно нейтрально. Ни голода, ни жажды, ни явной боли. Только лёгкое напряжение в груди, как перед прыжком в воду, когда стоишь на краю и знаешь, что обратно шагнуть уже нельзя, но всё ещё тянешь.

Он подошёл к двери с «0» поближе, так, что цифра оказалась прямо перед лицом. Попробовал надавить плечом — ничего. Уперся обеими ладонями, толкнул — дверь не шевельнулась. Перешёл к «1», повторил то же самое — тот же результат. Будто обе двери были не дверями, а нарисованной декорацией.

В голову полезла глупая мысль: может быть, его ждут, пока он скажет вслух какой-то пароль или сделает «правильный» выбор? «Ноль» или «один», «да» или «нет», «войти» или «остаться». Он почувствовал раздражение уже на себя: ненавидел ситуации, в которых его насильно превращают в участника игры, не объяснив правил.

Страх, тем временем, стал плотнее. Теперь он был не истеричный, иной — тихий, вязкий. Типичный человеческий страх, когда ты понимаешь, что у тебя забрали все привычные точки опоры, оставив только факт: ты здесь, ты встаёшь, ходишь, дышишь — и ничего больше не знаешь.

Он сделал ещё круг по комнате, как зверь по клетке, пытаясь найти хоть что-то: щель, трещину, скрытый шов, вентиляцию. Стены были гладкими. Потолка он не доставал, но даже снизу было видно — там ничего. Ни пузыря краски, ни люка.

Он вернулся к дверям, облокотился спиной о стену между ними и медленно сел на пол. Колени поджал к груди. Сжал пальцы в кулаки, потом разжал. Так иногда делают, чтобы проверить: не снится ли всё это, не рассыплется ли картинка.

Не рассыпалась.

— Меня зовут... — тихо начал он и замолчал.

Имя не приходило. В голове было ощущение пустого места, как подчёркнутое поле в анкете, где нужно вписать данные. Он почувствовал, как холодок внутри превращается в ледяной ком. Не помнить, где ты — одно. Не помнить, как тебя зовут — уже совсем другое.

Он поднял глаза на цифры. «0». «1». В них вдруг появилось что-то личное, почти обидное: словно мир честно признавался, что ничего больше для него не приготовил. Вот твой выбор, вот вся твоя биография на ближайшее время — ноль или один. Всё остальное будешь достраивать сам.

Он втянул воздух, задержал дыхание, выдохнул. Несколько раз подряд, чтобы сердце перестало колотиться так громко. Когда дыхание чуть выровнялось, он поднялся, подошёл к одной из дверей — к той, что с «1» — и, не придумывая больше философии, просто ударил в неё изо всех сил ладонью.

На этот раз что-то изменилось.

Далеко внутри, где-то за стеной, очень тихо щёлкнуло. Как если бы где-то глубоко повернулся маленький замок. Дверь по-прежнему не открылась, но под его ладонью поверхность стала едва заметно, чуть тёплой.

Он выдохнул, убрал руку и понял, что выбор всё равно придётся делать. И что, какой бы это ни был эксперимент, он уже в нём. Не потому, что хочет, а потому что проснулся здесь.

Он ударил по двери ещё раз — сильнее, чем в первый.

На этот раз звук получился глухим, с отдачей в плечо, и за ним последовал другой — тихий, аккуратный щелчок где-то внутри полотна. Будто небольшой замок наконец согласился с тем, что его разбудили.

Цифра «1» перед глазами чуть дрогнула — не сама краска, а поверхность вокруг неё — и дверь на долю миллиметра отошла от рамы. Он почувствовал тонкую полоску прохлады, тянущуюся из щели. Сердце забилося чаще — не от страха, от облегчения: хоть что-то здесь поддаётся.

Он ухватился пальцами за край и потянул на себя. Дверь подалась легко, плавно, без скрипа, точно её очень сильно смазали. За ней оказалась не бездна света и не такой же белый короб, а обычная комната.

Обычная — до странности.

Невысокий потолок, бледные стены, окно на противоположной стене. Подоконник, радиатор. Справа — шкаф с приоткрытой дверцей. Слева — небольшая полка. На полу — тот же холодный, гладкий материал, только оттенок чуть темнее. Он встал и сделал шаг в это новое пространство. Дверь оставалась открытой.

Он автоматически оглянулся назад — за спиной была всё та же дверь с «1» на внутренней стороне. Цифра выглядела уже привычно, почти домашне. Никакой второй двери с «0» в новой комнате не было. Только еще одна закрытая дверь, словно это был выход. Все выглядело так, будто кто-то взял обычную спальню и аккуратно вынул из неё всё лишнее.

Он опустил взгляд на свои ноги и снова ощутил холод. Пол явно не был рассчитан на босые ступни. Ноги немного занемели, пальцы стали чужими. Он поморщился и сразу посмотрел на полку у стены: там стояла картонная коробка.

Коробка была новой, без надписей. Он подошёл, наклонился, приподнял крышку. Внутри лежали кроссовки — тёмные, простые, его размера. Не идеально новые: лёгкие складки на сгибах, чуть стёртая подошва. Явно не чужие, но он не помнил, чтобы покупал их. Руки сами достали один, потом второй. Он сел на край единственного в комнате стула и надел кроссовки. После затяжки шнурков стало чуть спокойнее: когда на ногах обувь, мир кажется более определённым.

Он открыл шкаф. Внутри висели джинсы, несколько футболок, толстовка. Всё нейтральных цветов, без рисунков. Джинсы выглядели ношенными — мягкая ткань, привычный вытертый шов на колене. Он провёл рукой по ткани и поймал смутное ощущение узнавания, как будто когда-то в таких же уже ходил. Сейчас на нём по-прежнему были серые штаны и футболка. Он быстро переоделся: стянуть мягкие штаны, влезть в джинсы, застегнуть пуговицу, протянуть ремень. Обычные, бытовые движения, от которых возвращается ощущение нормальности.

Холод от пола ушёл. Джинсовая ткань на ногах давала правильную тяжесть. Он почувствовал себя чуть менее голым перед этим непонятным миром.

Он подошёл к окну. Сначала увидел своё отражение — чуть смазанное, но всё же своё — и за ним улицу. Уже знакомую: ровные серые дома, одинаковые окна, прямой тротуар. Свет был

тот же — белый, ровный. Ни теней от облаков, ни яркого солнца. Просто рассеянная дневная ясность.

На подоконнике не было ни горшка с цветком, ни пыли, ни царапин. Окно открывалось лёгким нажатием — рама поддалась почти без усилия. В комнату вошёл свежий, но пустой воздух. Он вдохнул глубже, чем надо, и понял, что это автоматически: так делают, когда собираются выйти «наружу».

Он поискал взглядом что-то ещё: сумку, документы, телефон. Ничего. Ни записки, ни ключей. Только он, одежда, кроссовки и эта комната, слишком похожая на настоящую, чтобы быть декорацией, и слишком пустая, чтобы быть чьей-то жизнью.

— Ладно, — сказал он тихо. — Выход так выход.

Дверь в коридор открылась без сопротивления. Узкий коридор, ещё одна пустая стена, лестничная клетка. Никаких картин, ковриков, табличек с номерами квартир. Он спустился вниз по лестнице — шаги гулко отдавались, но слишком ровно, словно звук подрезали. Дверь на улицу была тяжёлой, металлической. Он потянул за ручку — и вышел. Дверь тоже не скрипнула.

Снаружи его встретил странный город, который он видел из окна. Прямые улицы, серые дома, воздух без запаха. Люди — редкие фигуры, движущиеся по своим линиям. Всё было до невозможности чисто и аккуратно.

Он втянул воздух. Пахло... никак. Не свежестью, не пылью, не бензином. Воздух был без запаха, как вода без вкуса. Он прислушался: вдалеке слышался ровный, очень тихий шум. Нечто среднее между шорохом дождя за закрытым окном и гудением кондиционера. Ни голосов, ни машин, ни музыки. Один общий фон, одинаковой громкости со всех сторон.

Он шёл по тротуару, вслушиваясь в свои шаги. Гул от подошв кроссовок по асфальту был единственным чётким звуком. Вдалеке виднелся только однообразный ровный фон. Он несколько раз пытался поймать хоть какой-то конкретный шум — смех, фразу, сигнал машины — и каждый раз слышал только общую мягкую словно «записанную» тишину.

Он заметил первого человека, когда уже успел подумать, что здесь никого нет. Фигура показалась из-за дальнего угла: человек шёл по другой стороне улицы. Средний рост, тёмная куртка, светлые брюки. Ничего необычного. Чем ближе тот подходил, тем сильнее сердце начинало стучать — не от страха перед ним, а от простого человеческого облегчения: не один.

— Эй! — позвал он, махнув рукой.

Человек продолжал идти. Шаг за шагом, строго по линии своего тротуара. Голова чуть наклонена вперёд, взгляд направлен куда-то поверх асфальта. Лицо — обычное, правильное. Ни татуировок, ни шрамов, ни очков. Ни радости, ни усталости. Как лицо человека на паспортной фотографии, которая никогда не стареет.

Он сделал ещё шаг к краю дороги.

— Слышите? — громче.

Никакой реакции. Ни движения глаз, ни задержки шага. Человек прошёл мимо, на расстоянии двух–трёх метров. Не толкнул, не отдернул плечо. Просто прошёл, будто его голос был частью того фонового шума.

Он ощутил знакомое уколоподобное чувство — смесь обиды и стыда. Как когда говоришь кому-то «здравствуй», а он смотрит сквозь тебя. Только здесь это была не грубость, а полное отсутствие факта обращения. Словно мир не зарегистрировал его попытку связи.

Через минуту появился второй человек.

— Алло! — почти крикнул он, бросившись вперёд.

На этот раз он встал прямо перед человеком. Тот подошёл вплотную, остановился на мгновение, как если бы его путь уперся во что-то, а потом... обошёл его по дуге, аккуратно, без раздражения и без интереса. Его взгляд ни разу не встретился с его взглядом.

Люди двигались примерно с одной скоростью, по своим прямым траекториям. Никто не переходил улицу, не оглядывался, не доставал ничего из карманов. Руки вдоль тела или чуть согнуты, шаг ровный. Он поймал себя на мысли: это похоже на пешеходные фигурки в старых компьютерных играх, которые ходят по заранее заложенным маршрутам.

Попытка заговорить с ними заканчивалась ничем: фигуры просто проходили мимо, обогнув его, как препятствие. С каждым разом внутри что-то сжималось — от того самого чувства, что ты вроде бы есть, но при этом тебя не существует.

Он оглянулся — люди шли, не оглядываясь. Никто не смотрел на него. Никаких камер, никаких надписей «ведётся видеонаблюдение», никаких предупреждений. Только стекло витрин, он и эта нарастающая потребность оставить след.

Он оглянулся на витрину. Стекло было чистым, как если бы его только что вытерли. За ним — полки с одинаковыми коробками. Он ощутил, как в груди поднимается не паника, а злость — на идеальную, безупречную гладкость этого мира, который делает вид, что его нет.

Он подошёл к стеклу поближе, чтобы увидеть своё отражение. Там, в глубине, оно было. Но странное. Лицо — слегка размытое. Нос, рот, глаза — на месте, но словно по ним кто-то прошёлся мягким ластиком. Ни мелких морщинок, ни пор, ни точек. Волосы — единое пятно, без отдельных прядей. Он поднял руку — отражение подняло свою, с малозаметной долей секунды задержки.

Он резко дернул рукой в сторону — и впервые испугался по-настоящему. Отражение повторило движение, но не в точности: угол был чуть другой, пальцы чуть более прямые. Как будто не зеркало, а кто-то пытается копировать его, подсматривая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.